

29. *Lintott A.* 1999: The Constitution of the Roman Republic. Oxf.
30. *Mackie N.* 1992: Popularis Ideology and Popular Politics at Rome in the First Century B.C. // *RhM.* 135, 49–73.
31. *Martin J.* 1965: Die Populären in der Geschichte der Späten Republik. Freiburg im Brisgau.
32. *Meier Chr.* 1965: Populares // *RE. Suppl.* Bd 10 / K. Ziegler (Hrsg.). 578–602.
33. *Meier Chr.* 1966: Res publica amissa. Wiesbaden.
34. *Morstein-Marx R.* 2004: Mass Oratory and Political Power in the Late Republic. Cambr.
35. *Mouritsen H.* 2010: Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambr.
36. *Perelli L.* 1982: Il movimento popolare nell'ultimo secolo della Repubblica. Torino.
37. *Robb M.A.* 2010: Beyond Populares and Optimates: Political Language in the Late Republic. Stuttgart.
38. *Rübeling K.* 1958: Untersuchungen zu den Popularen. Düsseldorf.
39. *Scullard H.H.* 1970: From the Gracchi to Nero. A History of Rome from 133 B.C. to A.D. 68. L.
40. *Seager R.* 1972: Cicero and the Word Popularis // *CQ.* 22, 328–338.
41. *Seager R.* 1977: Populares in Livy and the Livian tradition // *CQ.* 27, 377–390.
42. *Serrao F.* 1974: Classi, partiti e legge nella Repubblica romana. Pisa.
43. *Strasburger H.* 1939: Optimates // *RE.* Bd XVIII. 1, 773–798.
44. *Syme R.* 1939: The Roman Revolution. Oxf.
45. *Tatum W.J.* 1999: The Patrician Tribune: P. Clodius Pulcher. Chapel Hill.
46. *Taylor L.R.* 1971: Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley–Los Angeles–London.
47. *Tracy C.* 2008–2009: The People's Consul: The Significance of Cicero's Use of the Term Popularis // *ICS.* 33–34, 181–199.
48. *Vanderbroek P.J.J.* 1987: Popular Leadership and Collective Behaviour in the Late Roman Republic. Amsterdam.
49. *Wirszubski Ch.* 1968: Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambr.
50. *Zecchini G.* 2009: I partiti politici nella crisi della repubblica // Partiti e fazioni nell'esperienza politica romana / G. Zecchini (a cura di). Milano, 105–120.

Olga V. Lyubimova,
Ural Federal University,
Ekaterinburg, Russia
lov800@yandex.ru

О.В. Любимова,
соискатель на кафедре истории
древнего мира и средних веков Уральского
федерального университета

© 2015 г.

Вестник древней истории
2015, № 1, 207–215

А.В. БАННИКОВ. Эволюция римской военной системы в I–III вв. (от Августа до Диоклетиана). СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2013. 256 с., 48 цв. илл.*

«Текст монографии, подготовленной в самые короткие сроки, возможно, вызовет критику и даже нарекания. Автор заранее приносит благодарность всем, кто высказет свои замечания», – такими словами (с. 6) А.В. Банников предваряет свою книгу, приглашая, по сути дела, к ее критическому разбору. И надо сразу сказать, что эта небольшая монография, представляющая собой дополненный вариант кандидатской диссертации, защищенной в 2003 г.¹, действительно по многим позициям уязвима для критики.

Прежде всего бросается в глаза отсутствие в монографии введения и заключения. Поэтому читателю приходится самостоятельно судить как о ее общем замысле и конкретных исследовательских задачах, которые ставил перед собой автор, так и об основных итогах исследования. Не обозначая ни собственных подходов, ни проблемных вопросов заявленной темы, А.В. Банников, по сути дела, никак не позиционирует свою работу в современном историографическом потоке, посвященном римской императорской армии, который чрезвычайно насыщен разнообразными новыми идеями,

* Работа поддержана грантом (соглашение от 27 августа 2013 г. № 02.В.49.21.0003 между МОН РФ и ННГУ), а также грантом РГНФ, проект № 14-21-20003.

¹ Банников 2003. Рецензируемая книга хронологически предшествует ранее опубликованной монографии, которая также восходит к кандидатской диссертации автора: Банников 2010.

точками зрения, дебатами по общим и частным проблемам, что отражено в многочисленных публикациях последних лет, в том числе и в книгах (как вполне академических по своему характеру, так и популярных², включая и переведенные в недавнее время на русский язык³), а также в диссертациях⁴, напрямую трактующих многие затронутые автором сюжеты. Соответствующие авторские пояснения, отсутствие которых извинительно в научно-популярной работе, были бы более чем уместны в исследовательской монографии, тем более что она уже своим названием притязает на некое обобщение и системно-историческое освещение военной организации Римской империи. Принимая во внимание достаточно высокий уровень той широкой российской аудитории, которая в настоящее время интересуется военной историей античности, очень важно, предлагая читателям новую книгу о римской армии, если не избежать повторения общеизвестного, то, во всяком случае, найти интересные ракурсы подачи и интерпретации того обширного материала, что накоплен на данный момент в науке.

Книга состоит из двух глав, разделенных на три параграфа каждая. В первой освещается развитие римской военной системы в период Ранней империи и последовательно характеризуются три этапа этой эволюции, выделяемые по династическому принципу: правление Юлиев–Клавдиев (§ 1), Флавиев и Антонинов (§ 2) и Северов (§ 3). II глава, почти вдвое объемнее первой, посвящена, в соответствии со своим названием, «переходу от традиционных форм военной организации к поздне-римской системе». Здесь автор останавливается на причинах и характере кризиса Римской империи в III в. (§ 1), уделяя главное внимание обзору основных военных событий на трех этапах кризиса; затем рассматривает военные преобразования в правление Галлиена (§ 2). С наибольшей полнотой и тщательностью анализируются пути развития военной системы в связи с реформами Диоклетиана и войнами в его правление (§ 3). И хотя автор нигде не определяет содержание понятия «военная система», предметом его рассмотрения являются такие ее ключевые элементы, как структура и дислокация вооруженных сил, способы и формы их комплектования, социальный и «национальный» состав, условия службы, организация пограничной обороны; во II главе к ним добавлены еще система материального обеспечения армии, вооружение и тактические приемы легионной пехоты.

Наряду с черно-белыми рисунками и картами в тексте, книга снабжена вклейкой с несколькими десятками вполне качественных цветных иллюстраций, включающих портреты римских императоров, карты, изображения скульптурных и живописных античных памятников, а также фотографии предметов вооружения из различных собраний и их современные реконструкции. Весь этот иллюстративный материал, однако, не имеет нумерации; нет на него и никаких ссылок в самом тексте книги, а некоторые подписи к иллюстрациям вызывают, мягко говоря, недоумение. В частности, на двух страницах помещены фотографии четырех фрагментов рельефов с батальными сценами, украшавшими мавзолей Юлиев в Сен-Реми-де-Прованс. В подписи к ним указано, что этот памятник был возведен «в честь двух павших на поле боя племянников Августа». Но, как известно, у Августа был только один племянник Марцелл, а монумент был посвящен Гаю и Луцию Цезарям, внукам Августа, которых он усыновил; первый из них умер в Массалии во 2 г. н.э. от болезни, а второй – в 4 г. н.э. в Ликии после ранения, полученного во время похода в Армению. В подписи к маскам от шлемов из Неймегена в качестве их материала указан «сплав железа и латуни», но такой сплав физически невозможен. Терминологическая путаница обнаруживается в обозначении типов римских шлемов. Здесь, по сути дела, без всякого уточнения сочетаются сразу несколько типологий, принятых в Великобритании и в континентальной Европе⁵. Неискушенного читателя такой подход лишь запутает, а у специалистов вызовет только недоумение, тем более что А.В. Банников на одной из иллюстраций и

² В числе тех сравнительно новых standard-books общего плана, которые оказались вне поля зрения автора, можно указать: Goldsworthy 1996; Wesch-Klein 1998; Campbell 2002; A Companion... 2007; The Impact... 2007; Southern 2007; Phang 2008; Махлаюк, Негин 2009. Из новейших публикаций см. James 2011; Fischer 2012.

³ Ле Боэк 2001; Уотсон 2010; Маттезини 2012; Дандо-Коллинз 2013.

⁴ Coorper 1968; Ibeji 1991; Cowan 2002; Rocco 2012 (эта книга доступна в виде диссертации, защищенной в 2011 г.).

⁵ Типология английского оружейоведа Г.Р. Робинсона (Robinson 1975), представленная в подписях к иллюстрациям типами «италийский имперский» и «галльский имперский», слишком прямолинейна, поскольку подразумевает строгую последовательность развития без каких бы то ни было локальных особенностей. Континентальная типология разрабатывалась европейскими исследователями начиная с П. Куиссена (Couissin 1926) и получила окончательное оформление в трудах немецких оружейоведов (см. Klumbach 1974). В рамках этой типологии используется географическая терминология; каждый тип именуется по одной конкретной территории, где были обнаружены наиболее характерные и обладающие большим количеством признаков, составляющих единую устойчивую систему, экземпляры.

сам путает типы Hagenau и Weisenau. В подписях к цветным иллюстрациям можно встретить также практически не употребляющийся термин «тыльник», видимо, используемый автором в противовес широко распространенному в современном отечественном оружиеведении термину «назатыльник». Подобно этому и металлические обкладки ножен меча почему-то названы каркасом, хотя на самом деле каркас (несущая внутренняя конструкция) ножен меча был деревянным. Но не будем перечислять все неточности в подписях к цветным вклейкам, которые по большей своей части никак не связаны с текстом, выполняя, скорее, декоративную функцию (видимо, поэтому они и не были пронумерованы).

I глава монографии (тематически новая по сравнению с диссертацией автора) носит сугубо обзорный характер и служит, очевидно, для того, чтобы обрисовать исходную фазу в истории императорской армии, а именно – те основы военной организации принципата, что были заложены Августом и, как отмечает автор (с. 9), не претерпели существенных изменений вплоть до середины III в. н.э. Структура вооруженных сил Империи характеризуется, так сказать, сверху вниз – от гарнизона Рима (преторианской гвардии и подразделений, выполнявших полицейские функции) к легионам, вспомогательным войскам и флоту. Далее рассматриваются командный состав, комплектование, жалование, срок службы, обеспечение ветеранов и пограничная оборонительная система. В силу задач главы (и, по-видимому, ограниченности объема книги) изложение строится не столько на анализе источников, сколько на основе литературы, в целом (за исключением той, что указана в прим. 2) достаточно новой⁶. Правда, здесь обнаруживаются два особых предпочтения: в I главе почти четверть всех ссылок дается на две работы, одна из которых, судя по всему, сильно устарела⁷, а другая представляет собой общий труд по истории римской армии от эпохи царей до V в. н.э.⁸ Ссылки эти иногда, как представляется, могут дезориентировать неискушенного читателя. Например, отмечая, что после разгрома легионов Квинктилия Вара Август включил в армию Тиберия много вольноотпущенников⁹, автор со ссылкой на работу В.И. Холмогорова¹⁰ добавляет: «В следующем столетии легионы в еще более широких масштабах будут пополняться отпущенными на свободу рабами» (с. 26). Здесь, во-первых, не уточняется, что в войске Тиберия из вольноотпущенников, как и в других подобных случаях, формировались особые подразделения; во-вторых, ни о каком притоке либертинов в легионы вообще речи быть не может, ибо, по сложившейся традиции, они не могли служить ни в легионах, ни в регулярных *auxilia*; крайне редкие и спорные исключения лишь подтверждают общее правило¹¹. Так же со ссылкой на Холмогорова *evocati Augusti* из числа преторианцев именуется отрядом императорских ординарцев (с. 14), что неверно: эвокатами до Тиберия были не только преторианцы, но и легионеры и воины городских когорт, добровольно поступившие на сверхсрочную службу и пользовавшиеся определенными льготами; эвокаты из отслуживших преторианцев, поступая на службу в легионы, могли рассчитывать на быстрое продвижение по службе; они выполняли разного рода специальные и технические функции, например, инструкторов, обучавших солдат, занимали канцелярские должности в свите наместников и т.д.

В.И. Холмогорову автор, надо сказать, следует не только в частностях, но и в некоторых принципиальных тезисах и оценках. Так, он пишет (с. 24), что Веспасиан, расширив социальную базу рекрутирования за счет провинциалов, «сделал решительный шаг на пути к *денационализации* римской армии», «легионы перестали быть в прямом смысле слова *римскими* и превратились в *легионы провинций*» (курсив автора)¹². В прим. 133 (с. 211) А.В. Банников в подтверждение мнения П. Косме о том, что со времени правления Адриана провинции начинают жаловаться на бремя воинской повинности, цитирует оценку римской армии II в., данную Ф. Энгельсом¹³: «общим правилом сдела-

⁶ Добавим только указание на одну книгу о римском флоте, поскольку, говоря о нем, автор ссылается на не самые важные исследования: Reddé 1986.

⁷ Это неопубликованная монография, написанная в конце 1930-х годов ленинградским ученым, сотрудником ЛОИИ: Холмогоров В.И. Основные черты развития римской армии в первые века империи (до середины III века) // Архив СПб. ИИ РАН. Русская секция. Ф. 276. Оп. 2. Ед. хр. 48. О В.И. Холмогорове, памяти которого автор и посвящает свою монографию, см. Банников 2008.

⁸ Cosme 2007. На эту работу А.В. Банников более 30 раз ссылается и во II главе.

⁹ Из источников ссылка дается только на *Dio Cass.* LV. 31, но к ней следует добавить: *Vell. Pat.* II. 111. 1; 3; *Plin.* NH. VII. 149; *Suet.* Aug. 25. 2; *Macr.* Sat. I. 11. 32.

¹⁰ Холмогоров, 46.

¹¹ Wesch-Klein 1998, 157–158.

¹² На с. 38 автор пишет о переходе к системе комплектования легионов «по национальным округам», никак не поясняя, что это такое.

¹³ Это статья «Армия», написанная Энгельсом в 1857 г. для «New American Cyclopaedia». Цитируется по работе В.И. Холмогорова.

лось допущение в легионы рабов и вольноотпущенников, уроженцев провинций и вообще людей разного рода... Таким образом, римская национальность в армии весьма скоро потонула в потоке варварских элементов...»¹⁴. При всем почтении к классикам марксизма, говорить о «римской национальности»¹⁵ и, соответственно, о «денационализации» армии, по нашему мнению, значит допускать явный анахронизм и вряд ли правомерно в настоящее время, учитывая всю сложность вопроса о социокультурной и политической идентичности разных общественных групп Римской империи¹⁶. Иначе придется признать «денационализацию» и римского сената, который в правление Адриана активно пополнялся выходцами с греческого Востока, и самих императоров, среди которых начиная с Траяна появляются уроженцы провинций. Тем не менее именно под таким «национальным» углом трактуются и последующие изменения в римской армии. В частности, с Септимием Севером связывается «окончательное превращение национально-римской армии в имперскую» (так называется один из подразделов § 3 I главы). По словам автора, уже во второй половине II в. «добровольцами были исключительно колонны крупных землевладельцев и пролетаризированные элементы» (с. 36, со ссылкой опять-таки на Холмогорова, с которым Банников фактически соглашается и в оценке армии Марка Аврелия как чисто крестьянской по своему составу, в отличие от «городских легионов» I в. и начала II в.). В подтверждение этого вывода дается ссылка на анализ надписей, принадлежащих легионерам Второго Траянова легиона (с. 36–37 и таблица 1, составленная по: Trommsdorff P. *Quaestiones duae ad historiam legionum Romanarum spectantes*. Lipsiae, 1826). Но этот легион дислоцировался в Египте, и, учитывая специфику этой провинции, было бы некорректно экстраполировать соответствующие данные (в том числе о преобладании среди легионеров так называемых *ex castris*, солдатских сыновей, которые записывались на службу) на армию в целом.

В I главе очень немного вопросов, по которым автор пытается сформулировать и обосновать собственную точку зрения. Но и эти попытки не выглядят вполне убедительными, как, например, в вопросе о численности преторианской когорты. Исходя из площади *castra praetoria*, созданного Тиберием, Банников склонен считать, что при Юлиях-Клавдиях она насчитывала 500 воинов (с. 11). Однако в новейших исследованиях аргументируется мнение в пользу тысячной численности каждой преторианской когорты¹⁷. Преувеличением звучит утверждение, что преторианская гвардия была в подлинном смысле боевым подразделением (с. 12). Ее участие в боевых действиях до войн Траяна и Марка Аврелия было лишь эпизодическим. В целом же из бедно обрисованной военной организации Римской империи в период правления Юлиев-Клавдиев без ответа остается вопрос, заявленный в самом названии § 1: какова же была эффективность созданной Августом системы? Не затрагиваются в этом параграфе и другие важные вопросы, в частности, военные реформы императора Клавдия, которые вполне можно признать существенным вкладом в развитие римской военной системы¹⁸, или правовые привилегии, обеспечивавшие военным служащим особый статус в обществе и служившие одним из факторов привлекательности военной службы.

Не находят какой бы то ни было ясной формулировки и причины изменений в военной системе, произошедшие в правление Флавиев и Антонинов, хотя в названии § 2 I главы они заявлены как тема этого раздела. Некоторую путаницу вносят и названия подразделов этого параграфа. Одно указывает на изменения в комплектовании легионов, второе – на комплектование вспомогательных подразделений, а третье – на систему комплектования действующей армии. Можно подумать, что ни легионы, ни *auxilia* не относились к боевым частям. Поэтому третий подраздел исходя из его содержания правильнее было бы назвать «Размещение легионов и использование вексилляций (выделенных из состава легионов отрядов)». Более четко формулируются выводы о военных преобразованиях в правление династии Северов, но они тоже, на наш взгляд, представляются малообоснованными¹⁹. По мнению автора, политика Септимия Севера «способствовала сближению между римлянами и их солдатами, поскольку последние получали те права, которые ранее имели только гражданские

¹⁴ Кстати сказать, в качестве эпиграфа к книге взяты известные слова Энгельса из «Анти-Дюринга» о зависимости военной организации общества от экономических условий его развития. Но на страницах рецензируемой монографии анализ экономических факторов функционирования и эволюции военной организации практически отсутствует, хотя этой теме посвящено немало новейших исследований. Например, см. *The Roman Army...* 2002.

¹⁵ Ср. «италийская национальность» (с. 64), которая, по утверждению автора, еще сохранялась в преторианских когортах до их роспуска Септимием Севером.

¹⁶ По данной теме см., например: Dench 2005; Mattingly 2011, 203–245.

¹⁷ Bingham 2013, 55.

¹⁸ Thomas 2004.

¹⁹ Автор не использовал ни диссертаций Ibeji 1991 и Cowan 2002, ни книгу Handy 2009, которые, думается, могли бы направить его изложение в иное русло.

лица»²⁰ (с. 58). В то же время несколькими страницами ниже отмечается, что этот император «сделал решительный шаг на пути к стиранию последних национально-римских черт в армии» (с. 60), а открыв более широкие карьерные перспективы перед рядовыми солдатами и центурионами²¹, он способствовал полному исчезновению из армии национально-римского офицерского корпуса уже в первой половине III в.²², а также тому, что «римская армия в скором времени распалась на региональные подразделения, имеющие друг с другом очень мало общего и практически не связанные идеологически»²³. Денационализация же рядового и командного составов могла либо привести к попыткам солдат-провинциалов подчинить империю своей воле и превратить армию в структуру, не менее агрессивную и враждебную государству, чем неприятели, атаковавшие его извне; либо провинциалы могли осознать себя защитниками Империи и римской цивилизации и выступить в роли спасителей Рима. Первая возможность реализовывалась на протяжении большей части III века, а вторая сложилась в период тетрархии, когда в этой роли выступили «проникнутые римским национализмом иллирийские офицеры во главе с Диоклетианом» (с. 63–64).

Таким образом, I глава книги не отличается глубиной и оригинальностью суждений. Впечатление о ней портят и довольно многочисленные неточности и досадные ошибки. Укажем на некоторые из них. Отмечая, что префекты лагеря и военные трибуны входили в состав совета легата, А.В. Банников добавляет, что они «образовывали его генеральный (!) штаб» (с. 22). Не говоря о том, что генеральный штаб по определению может быть только один, само это понятие является явным анахронизмом для римских военных реалий. На с. 28 в качестве дневного жалования легионера ошибочно названо 10 денариев вместо 10 ассов (ср. Тас. Ann. I. 17. 4). Вряд ли можно категорически утверждать, что главной обязанностью создаваемых в городах Империи коллегий молодежи была отправка новобранцев в легионы (с. 33)²⁴. Нет оснований говорить о попытке Калигулы завоевать «угол» между Верхним Рейном и Дунаем и о возведении на правом берегу Рейна земляных укреплений, положивших начало верхнегерманскому лимесу (с. 45, со ссылкой на Холмогорова). На с. 48 со ссылкой на Диона Кассия (LXXIX. 3. 1) говорится, что Септимий Север после прихода к власти отпустил часть откомандированных в его армию векилляций в их лагерь, но ни в этом месте, ни в других Дион ни о чем подобном не сообщает. На с. 55 утверждается, что выплата донативов «стала производиться уже со времени Клавдия». Однако хорошо известны примеры выплаты денежных подарков и при Августе, Тиберии и Калигуле²⁵. На с. 56 находим *annona militaria* вместо правильного *annona militaris*. Неточно трактуется пассаж Диона Кассия (LXXV. 2. 5): в изложении автора получается, что римский историк упрекал Септимия Севера в том, что итальянская молодежь, оказавшись отстраненной от военной службы, должна заниматься разбоем, в то время как армия пополняется варварами (с. 60).

²⁰ Не совсем понятно, о каких именно правах идет речь, так как выше рассматриваются такие вопросы, как разрешение легионерам вступать в законный брак, предоставление центурионам возможности получения всаднического достоинства, право младших командиров создавать собственные коллегии. Вопрос об отмене запрета на брак, на наш взгляд, заслуживает более подробного освещения с учетом новых исследований (в частности, см. Phang 2001), как и вопрос о правовых привилегиях в сфере имущественного и наследственного права, каковые, напротив, ставили военных в особое положение по сравнению с гражданскими лицами. Что касается коллегий, то существует достаточно аргументированная точка зрения, что они появились уже в правление Адриана. См., например: Ausbüttel 1985 (с литературой, к которой нужно добавить: Yébenes 1999).

²¹ И, надо добавить, перед сыновьями последних, которым нередко уже в молодом возрасте жаловалось всадническое достоинство. См. Davenport 2012.

²² Здесь опять-таки дана ссылка на работу В.И. Холмогорова. Вообще стоит заметить, что разделяемые автором оценки Холмогорова восходят к концепции А. фон Домашевского, в которой нашли отражение националистические предрассудки, широко распространенные в германской историографии начала XX в. и уже давно отвергнутые последующими поколениями ученых. Эта концепция представлена, в частности, в классическом труде Домашевского о системе чинов в римской армии (Domaszewski 1981).

²³ О какой идеологии идет речь, совершенно не ясно. Как показывает знаменитый папирус из Дура-Европос с календарем официальных празднеств, отмечавшихся в армии (P. Dur. 54, время Александра Севера), римские власти заботились об идеологическом единстве вооруженных сил в самых разных уголках империи.

²⁴ Дана ссылка: Глушанин 1984, 31. Анализ различных точек зрения на функции юношеских коллегий с указанием литературы см. Jaszynowska 1978, 11–12; 60–61 (сама М. Яжиновска склоняется к более взвешенной позиции, считая, что скудные данные источников не позволяют с твердой уверенностью говорить о преимущественно военном предназначении этих коллегий).

²⁵ Сводку всех случаев выплаты донативов в период Ранней империи см. Ле Бозк 2001, 325–329.

Но у Диона речь идет не об армии вообще, а о наборе в преторианскую гвардию бывших иллирийских легионеров вместо жителей Италии, Испании, Македонии и Норика, как было прежде.

Во II главе подобных неточностей заметно меньше²⁶, и в целом автор демонстрирует здесь более уверенное владение материалом и стремится сформулировать отдельные самостоятельные выводы. В целом, однако, по большинству обсуждаемых вопросов он следует уже высказанным в литературе концепциям и выводам. Так, говоря о причинах и характере кризиса III в., А.В. Банников, по существу, полностью принимает мнение о его сугубо внешнем военном характере, высказанное Я. Ле Боэком²⁷, согласно которому он был вызван совпадением внешней агрессии против Империи с двух сторон и, как следствие, неспособностью прежней военной системы и стратегии успешно справляться с массированными угрозами (с. 71, 90). Об иных взглядах на этот сложный исторический период, применительно к которому в последнее время чаще прилагается понятие «трансформация», «структурные изменения», но не кризис²⁸, автор даже не упоминает. Ле Боэку автор следует и в определении этапов кризиса, которые описываются как череда внешних вторжений. И этот довольно-таки беглый очерк, насыщенный датами и названиями племен и народов, в общем-то мало что добавляет к пониманию сущности перемен, происходивших в армии и государстве. Полностью разделяет А.В. Банников и оценки, которые дает французский историк изменениям, произошедшим в римской военной системе в ходе событий III столетия: эти изменения не способствовали прогрессивному развитию военных институтов, выработке единой стратегии, сохранению моральных и физических качеств личного состава армии; исключением были только адаптация римского вооружения к тактике противников, развитие фортификационного строительства, а также увеличение численности армии, особенно кавалерии (с. 97–98).

Рассматривая военную политику Галлиена, А.В. Банников затрагивает целый ряд проблем, давно дискутируемых в историографии: изменения в военной стратегии, формирование полевой армии (походных военных группировок в терминологии автора) и корпуса протекторов, реформа конницы, отстранение от военного командования сенаторов. В целом высказываемые по этим вопросам суждения не вызывают возражений, за исключением, пожалуй, попытки заново обосновать «историографический миф» о создании Галлиеном особого кавалерийского корпуса²⁹. Каких-то новых убедительных доводов в пользу этой устаревшей точки зрения А.В. Банников не предлагает. Более интересные соображения он высказывает по вопросу о запрете занимать командные должности в армии сенаторам. По мнению автора, никакого специального эдикта император не издавал, но следовал политике и прецедентам предшествующего времени, а кроме того, мог руководствоваться стремлением сэкономить на выплате высокого жалованья офицерам-сенаторам (с. 115). В целом же, как считает автор, не следует преуменьшать заслуг Галлиена, который отличался незаурядными полководческими талантами и энергией.

Говоря о военных реформах Диоклетиана, автор ставит перед собой задачу раскрыть их характер, рассматривает различные точки зрения по этому вопросу³⁰ и, отвергая высказанное недавно мнение Я. Ле Боэка³¹, приходит к выводу, что армия в его правление претерпела довольно глубокие

²⁶ Хотя встречаются подчас довольно чувствительные ляпы. Например, вместо слова «этноним» стоит «эпоним» (с. 69). Римский *as, assis* по-русски все же правильно транскрибировать как *асс*, а не *ас*, как на с. 93. Странно звучит утверждение на с. 112: эдикт Каракаллы, «требовавший, чтобы все граждане империи служили в армии...». Ничего подобного в знаменитом эдикте Каракаллы не сказано. При описании традиционной когортной тактики позднереспубликанского времени и начала Принципата говорится, что «солдаты каждой когорты выстраивались в три линии: гастаты впереди, за ними принципы и позади всех триарии» (с. 171). Но такое построение характерно для манипулярного строя, и со времен Марии никакого реального деления легионеров на эти три категории не существовало; напоминанием о них служили только наименования рангов центурионов. О тактике легионной пехоты см. прежде всего Goldsworthy 1996; о структуре легиона в эпоху Империи: Speidel 2002.

²⁷ Прежде всего это Le Bohec 2004.

²⁸ Обзор различных концепций см., например: Liebeschuetz 2007; Hekster 2008.

²⁹ Этот миф, по сути дела, основывается почти исключительно на одном поздневизантийском свидетельстве (Cedren. 454: «[Галлиен] впервые создал конное войско» – *πρώτος ἱππικὰ τάγματα κατέστησε*), которое, кстати, А.В. Банников никак не упоминает. Из новейших работ, отвергающих этот миф, см. Рocco 2012, 134. Not. 563 (с литературой вопроса).

³⁰ При этом не привлекаются, однако, некоторые новейшие публикации, в которых представлен комплексный подход в изучении данных преобразований с более пристальным вниманием к экономическому и социокультурному контексту. См. соответствующие главы в изданиях: A Companion... 2007; Cambridge History... 2007.

³¹ Не ясно, однако, какие именно работы Ле Боэка имеет в виду автор монографии. К абзацу с изложением его точки зрения (с. 121) дается прим. 429 (с. 235), в котором почему-то дана ссылка на

изменения, которые обнаруживаются в разделении верховного командования, в широком фортификационном строительстве, в реорганизации флота, в образовании пограничных военных округов под началом дуксов, в замене призыва (*dilectus*) конскрипцией, в системе снабжения войск обмундированием и оружием, в тактике и вооружении легионной пехоты (хотя, как отмечает автор, в конце III в. легионы сохраняли прежнюю структуру и по крайней мере некоторые из них имели прежнюю численность ок. 6000 человек [с. 169], а варваров в армию привлекалось не больше, чем раньше³²). Вместе с тем А.В. Банников приводит достаточно веские аргументы в пользу того, что в период тетрархии не произошло деления армии на полевую и пограничную, но при этом кавалерийские эскадроны превратились в самостоятельный и полноправный род войск (с. 178–179). Все эти выводы в целом не вызывают возражения. Но на отдельные моменты в аргументации автора все же хотелось бы обратить внимание.

Так, рассматривая новую систему обеспечения армии оружием и создание сети оружейных мастерских при Диоклетиане, А.В. Банников почему-то не упоминает основополагающую статью С. Джеймса на эту тему³³, но следует книге П. Саузерн и К. Диксон (с. 150–152), которые неоднократно цитируют и анализируют эту работу³⁴.

Автор делает вывод, что изменение вооружения было непосредственным следствием изменения легионной тактики³⁵, а именно – перехода к более компактному построению, которое напоминало фалангу, что было связано с ухудшением моральных и физических качеств рядового состава (с. 173–174). При этом он полагает, что римляне не могли заимствовать фалангу у эллинистических армий (с. 247, прим. 203), но никакой существенной аргументации не приводит. Едва ли правомерно в данном контексте утверждать, что расположение войска без интервалов между когортами, предлагаемое Аррианом в его «Диспозиции против аланов»³⁶, «противоречит всем нормам традиционной римской тактики» (с. 174). Все-таки текст Арриана представляет собой план реальной военной кампании, учитывающий особенности тактики конкретного противника³⁷. Ни словом не упоминает автор и об интересной, хотя и спорной, концепции Дж. Лендона, который переход к такому построению увязывает с распространившейся во II в. н.э. модой на старинные псевдоаттические шлемы и шлемы-маски в виде женских образов или портрета Александра, с увлечением некоторых военных теоретиков (в частности Арриана) и императоров (Каракаллы и Александра Севера) идеей возрождения македонской фаланги, а также с риторическим образованием имперской элиты³⁸.

Говоря о превращении римского пехотинца из фехтовальщика в копейщика, автор приходит к заключению, что эта трансформация была обусловлена необходимостью сражаться в более тесном строю, так как «отдельный солдат не мог более вести бой в одиночку, он должен был действовать совместно со стоящим рядом с ним справа товарищем, который закрывал его частью своего щита» (с. 174). В связи с этим длинный меч-спата, совершенно не приспособленный для колющего удара, вытесняет короткий меч-гладиус. Однако, хотя спата действительно больше подходила для рубящего удара, не должно возникать сомнений, что ею можно было нанести и колющий удар (*Amm. Marc. XVI. 12. 49*). Кроме того, при описании тактики боя римского легионера I в. н.э., со ссылкой на гипотезу П. Коннолли³⁹, выдвинутую им исходя из конструктивных особенностей римского пехотного шлема, А.В. Банников утверждает, что во время рукопашной атаки пригнувшийся и спрятавшийся за свой щит легионер вообще не имел возможности наносить рубящие удары (с. 246, прим. 601). Конечно, сейчас очень трудно с точностью установить, какие приемы непосредственно применялись при фехтовании, какую стойку занимал воин для более удобного и эффективного нанесения удара. Но практические эксперименты членов современных военно-исторических клубов с репликами римского вооружения показывают ошибочность реконструкции Коннолли. Конструктивные особенности шлема никак не предполагают неудобной позы, при которой воин стоит с наклоном вперед, сильно

статью Е.П. Глушанина 1987 г., как и в прим. 430. В примечаниях же 431–435 (с. 235) указано *Ibid.*, но к какой именно работе это относится, можно только догадываться.

³² Правда, выше (с. 160) утверждается, что в течение всего правления Диоклетиана «насильственное перемещение варваров было центральным звеном в политике римского правительства».

³³ James 1988.

³⁴ Southern, Dixon 1996, 89–90.

³⁵ Кстати сказать, тактическая роль римской кавалерии вообще не отражена на страницах книги.

³⁶ А.В. Банников почему-то называет этот трактат «Тактика против аланов» (с. 173).

³⁷ Перевалов 2010, 53.

³⁸ Lendon 2005, 261–289. А.В. Банникову, судя по одной ссылке, эта работа известна (он использует, правда, ее итальянский перевод).

³⁹ Connolly 1991.

пригнувшись, почти присев. Такая позиция чрезвычайно неудобна, что видно даже без экспериментирования со снаряжением, так как вся нагрузка сконцентрирована на спине и пояснице. Намного удобнее и эффективнее позиция с переносом центра тяжести на правую ногу с упором локтевого сустава – а лучше и колена – в skutum. При этом щит фиксирован для отражения удара противника, тогда как в варианте Коннолли нет никакой точки опоры щита; удар сверху или снизу от центра skutuma элементарно перекосит его: ведь одной кистью по центру его не удержишь от перекоса. При переносе центра тяжести назад удобнее маневрировать skutumом, тогда как в позиции Коннолли это крайне затруднительно, так как весь вес щита приходится на руку и согнутую спину⁴⁰.

Мы не случайно так подробно остановились на, казалось бы, второстепенном сюжете: он, по нашему мнению, наглядно демонстрирует явно недостаточное внимание автора к современным дискуссиям, что особенно необходимо в разделе, посвященном изменениям в вооружении и тактических приемах легионной пехоты в III в., которые являются в настоящее время предметом активной полемики⁴¹.

Таким образом, приходится констатировать, что монография А.В. Банникова в целом дает мало нового и важного специалистам, представляя собой скорее общий обзор, нежели действительно оригинальное, углубленное исследование основных аспектов эволюции римской военной системы. Такой обзор, учитывая очевидный дефицит русскоязычных работ именно по позднеримской армии, возможно, будет небесполезен широкому читателю (включая студентов), однако при знакомстве с книгой необходимо осторожное отношение к некоторым из высказываемых автором тезисов и сообщаемых деталей.

Литература

1. Банников А.В. 2003: Эволюция римской военной системы в эпоху Поздней Империи (III–IV вв. н.э.). Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.03. СПб.
2. Банников А.В. 2005: О причинах изменения римского вооружения в эпоху поздней империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2, История. 3. С. 114–124.
3. Банников А.В. 2008: В.И. Холмогоров и начало изучения позднеримской военной организации в отечественной историографии // Мнемон. 7, 529–540.
4. Банников А.В. 2010: Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). СПб.
5. Глушанин Е.П. 1984: Генезис и позднеантичные особенности ранневизантийской армии. Дис. ... канд. ист. наук. Л.
6. Глушанин Е.П. 1987: Военные реформы Диоклетиана и Константина // ВДИ. 2, 57–73.
7. Дандо-Коллинз С. 2013: Легионы Рима. Полная история всех легионов Римской империи / Пер. с англ. Н.Ю. Живловой. М.
8. Ле Боэк Я. 2001: Римская армия эпохи Ранней Империи / Пер. с франц. М.
9. Маттезини С. 2012: Римские легионы. Все о самой мощной армии Древнего мира / Пер. с итал. И. Андронов. М.
10. Махлаюк А.В., Негин А.Е. 2009: Римские легионы в бою. М. (переизд. 2012).
11. Перевалов С.М. 2010: Тактические трактаты Флавия Арриана. Тактическое искусство. Диспозиция против аланов. М.
12. Уотсон Дж. 2010: Римский воин / Пер. с англ. М.
13. Ausbüttel F.M. 1985: Zur rechtlichen Lage der römischen Militärvereine // Hermes. 1985. 113, 500–505.
14. Bingham S. 2013: The Praetorian Guard: A History of Rome's Elite Special Forces. Waco, TX.
15. Campbell J.B. 2002: War and Society in Imperial Rome, 31 BC–AD 284. L.–N.Y.
16. Cambridge History... 2007: The Cambridge History of Greek and Roman Warfare. Vol. II. Rome from the late Republic to the late Empire / Ph. Sabin, H. van Wees, M. Whitby (eds). Cambr.
17. A Companion... 2007: A Companion to the Roman Army / P. Erdkamp (ed.). Oxf.
18. Connolly P. 1991. The Roman fighting technique deduced from armour and weaponry // Roman Frontier Studies 1989: Proceedings of the XVth International Congress of Roman Frontier Studies / V.A. Maxfield, M.J. Dobson (eds). Exeter, 358–363.
19. Cooper P.W. 1968: The third-century origins of the «new» Roman army. DPhil Thesis. Oxf.
20. Cosme P. 2007: L'armée romaine VIII s. av. J.-C. – V s. ap. J.-C. P.
21. Couissin P. 1926: Les Armes Romaines. P.
22. Cowan R. 2002: Aspects of the Severan Field Army: The Praetorian Guard, Legio II Parthica, and Legionary Vexillations AD 193–238. PhD Dissertation. University of Glasgow.
23. Davenport C. 2012: Soldiers and Equestrian Rank in the Third Century AD // Papers of the British

⁴⁰ Махлаюк, Негин 2009, 362–364.

⁴¹ См. различные точки зрения в работах: Menéndez Argüín 2000; Cowan 2002, 131–134.

School at Rome. 80, 89–123.

24. *Dench E.* 2005: *Romulus' asylum: Roman identities from the age of Alexander to the age of Hadrian.* Oxf.
25. *Domaszewski A. von* 1981: *Die Rangordnung des römischen Heeres.* 3., unveränderte Auflage. Einführung, Berichtigungen und Nachträge von B. Dobson. Köln–Wien (1. Herausgabe: Bonn, 1908).
26. *Fischer Th.* 2012: *Die Armee der Caesaren – Archäologie und Geschichte.* Regensburg.
27. *Goldsworthy A.K.* 1996: *The Roman Army at War 100 BC – AD 200.* Oxf.
28. *Handy M.* 2009: *Die Severer und das Heer.* B.
29. *Hekster O.* 2008: *Rome and Its Empire, AD 193–284. Debates and Documents in Ancient History.* Edinburgh.
30. *Ibeji M.C.* 1991: *The evolution of the Roman army during the third century AD.* PhD Diss. University of Birmingham.
31. *The Impact...* 2007: *The Impact of the Roman Army (200 BC – AD 476). Economic, Social, Political, Religious and Cultural Aspects: Proceedings of the Sixth Workshop of the International Network Impact of Empire.* Capri, March 29 – April 2, 2005 / L. de Blois, E. Lo Cascio (eds). Leiden–Boston.
32. *Jaczynowska M.* 1978: *Les associations de la jeunesse romaine sous le haut-empire.* Wrocław, etc.
33. *James S.* 1988: *The fabricae: state arms factories of the Late Roman Empire // Military Equipment and the Identity of Roman Soldiers. Proceedings of the Fourth Roman Military Equipment Conference. British Archaeology Reports International Series 394.* Oxf., 257–331.
34. *James S.* 2011: *Rome and the Sword: How Warriors and Weapons Shaped Roman History.* N.Y.
35. *Klumbach H.* 1974: *Römische Helme aus Niedergermanien.* Köln–Bonn.
36. *Le Bohec Y.* 2004: *Les aspects militaires de la crise du IIIe siècle // L'armée romaine de Dioclétien à Valentinien I. Actes du Congrès de Lyon (12–14 septembre 2002) / Y. Le Bohec, C. Wolf (eds).* Lyon, 9–28.
37. *Le Bohec Y.* 2009: *L'armée romaine dans la tourmente. Une nouvelle approche de la «crise du IIIe siècle».* P.
38. *Lendon J.E.* 2005: *Soldiers and Ghosts: A History of Battle in Classical Antiquity.* New Haven.
39. *Liebeschuetz W.* 2007: *Was There a Crisis of the Third Century? // Crises and the Roman Empire. Proceedings of the Seventh Workshop of International Network Impact of Empire (Njmehen, June 20–24, 2006) / O. Hekster, G. de Kleijn, D. Slootjes (ed.).* Leiden–Boston, 11–20.
40. *Mattingly D.J.* 2011: *Imperialism, Power, and Identity: Experiencing the Roman empire.* Oxf.
41. *Menéndez Argüin A.R.* 2000: *Evolución del armamento del legionario romano durante el s. III d.C. y su reflejo en las tácticas // Habis.* 31, 327–344.
42. *Phang S.E.* 2001: *The Marriage of Roman Soldier. Law and Family in the Imperial Army.* Leiden–Boston–Köln.
43. *Phang S.E.* 2008: *Roman Military Service. Ideologies of Discipline in the Late Republic and Early Principate.* Cambr.
44. *Reddé M.* 1986: *Mare Nostrum. Les infrastructures, le dispositif et l'histoire de la marine militaire sous l'empire romain (Bibliothèque des Écoles françaises d'Athènes et de Rome 260).* Rome.
45. *Rocco M.* 2012: *L'esercito romano tardoantico: persistenze e cesure dai Severi a Teodosio I.* Padova.
46. *The Roman Army...* 2002: *The Roman Army and the Economy / P. Erdcamp (ed.).* Amsterdam.
47. *Southern P.* 2007: *The Roman Army: A Social and Institutional History.* Oxf.
48. *Southern P., Dixon K.R.* 1996: *The Late Roman Army.* L.
49. *Speidel M.P.* 2002: *The Framework of an Imperial Legion // Birthday of the Eagle: The Second Augustan Legion and the Roman Military Machine / R.J. Brewer (ed.).* Cardiff, 125–144.
50. *Thomas C.* 2004: *Claudius and the Roman Army Reforms // Historia.* 53. 4, 424–452.
51. *Wesch-Klein G.* 1998: *Soziale Aspekte des römischen Heerwesens in der Kaiserzeit.* Stuttgart.
52. *Yébenes S.P.* 1999: *Collegia militaria. Asociaciones militares en el Imperio romano.* Madrid.

*Alexander V. Makhlayuk,
Andrey E. Negin,*

Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Russia
makhl@imomi.unn.ru
aenegin@mail.ru

*A.B. Махлаюк,
доктор исторических наук, профессор,
зав. кафедрой истории древнего мира и классических языков;*

*А.Е. Негин,
кандидат исторических наук,
старший преподаватель,
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского*